

An abstract painting with a dark, textured background. Large, expressive brushstrokes in vibrant colors—teal, orange, yellow, and magenta—dominate the composition. The colors are layered and blended, creating a sense of movement and depth. The overall effect is one of dynamic energy and emotional intensity.

Клён

Дмитрий Григорьев

Дмитрий Григорьев Клён

<https://litres.ru/74644372>

SelfPub; 2026

Аннотация

В книгу "Клен" калининградского писателя Дмитрия Григорьева вошли повесть "Клен" и рассказы.

Содержание

Клён	4
I	5
II	17
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Клён

Клён

*Чтобы пробиться к свободе и солнечному свету,
надо всю жизнь старательно работать.*

В. Пелевин, «Жизнь насекомых»

I

Было воскресное утро. Левин встал пораньше. В городе его ждали дела. На завтрак он отрезал два ломтика белого хлеба, намазал их маслом, потом открыл маленькую баночку красной икры и стал аккуратно класть икру на бутерброд, размазывая так, чтобы икринки распределились по всей поверхности равномерно и не клеились одна к другой. Обычно получались два бутерброда. Левин готовил их каждое воскресное утро на протяжении многих лет и был уверен: так будет всегда.

Левин был высоким, худощавым, но крепким человеком. На здоровье почти не жаловался, вот только поясница иногда ныла, — да так, что сил не было терпеть. Тогда приходилось натирать спину прописанной врачом согревающей мазью и сидеть дома. Одевался он скромно и опрятно: носил темный костюм и клетчатую кепку, а зимой надевал старое теплое пальто и вокруг шеи обматывал длинный шерстяной шарф синего цвета.

Левин жил одиноко на побережье Балтийского моря. Его маленький кирпичный дом был окружен старым ухоженным садом. Дом этот и в самом деле стоял на краю мира: позади сада, в нескольких метрах от забора, земля круто обрывалась. На склоне песчаного обрыва с глинистыми синими подтеками росли трава и кустарники, внизу, у подножия, начи-

нался пляж, а за ним простиралось море. Несколько тонких березок стояли на вершине обрыва, у самого края. Зимой, когда налетал сильный ветер с дождем, а волны размывали пляж и бились об откос, случался оползень, который увлекал деревья в пропасть, будто слизывал языком. За многие годы обрыв уничтожил здесь белоствольную рощу. Ненасытный, он поглощал деревья одно за другим. Стонали умирающие деревья и, сползая по склону, тщетно цеплялись корнями за сыпучую землю. А там, внизу, морские волны подхватывали березу, терзали, как хищные звери, и в конце концов выбрасывали где-нибудь на пляже ее обглоданный ствол.

Левин глубоко досадовал из-за гибели деревьев. С тех пор как поселился в этих краях, он с обрывом воевал: на склонах густо сеял траву, укладывал дерн, сажал кусты шиповника, облепихи, снежноягодника, ползучую ежевику, саженцы осины и березы. Но обрыв ему не уступал и с каждой зимней бурей губил новые посадки – с себя сбрасывал и все приближался к старому саду. Деревенские знакомые советовали Левину смириться. Говорили, что тысячи лет обрыв грызет землю, и ничто его не останавливает. Но Левин не слушал и боролся в одиночку, словно не деревья, а родных своих защищал. «С обрывом буду воевать, пока не одолею», – так он решил для себя.

Приготовив бутерброды, Левин налил чаю, убрал со лба нависшую прядь седых волос и принялся за еду.

Завтракая бутербродами с красной икрой, Левин часто вспоминал свою юность. Вкус икры вызывал в его памяти образы прежних времен, родителей и Приморье, где он вырос. Там икры было много. Но то было в далеком детстве, а потом все перевернулось. Отец Левина – Михаил Константинович – участник войны, бил фашистов и едва не дошел до Пруссии, да как на грех попал в плен. А после освобождения советское правительство неожиданно заменило расстрел лейтенанта Левина поселением в Казахстане. Вскоре туда же отправились мать и маленький сын. Когда страна выбралась из тени стального диктатора, отец долго работал на машиностроительном заводе инженером. В Павлодаре Левин учился в школе, затем окончил институт и вскоре женился на однокурснице. Ее звали Лена. Много лет Левин работал школьным учителем физики, а жена воспитывала троих детей. Тогда Советский Союз был большим неприступным монолитом, и семья Левина не беспокоилась о завтрашнем дне.

Прошли годы, сын Левиных Саша вырос, его отправили служить на Кавказ. Тогда, казалось, там было еще спокойно, но через пять месяцев солдат пропал без вести, – домой пришло письмо от командира воинской части. Много слез было пролито. Мать ездила в гарнизон, разговаривала с высоким начальством. Служащие объясняли: в горах во время учений в тот злополучный день случился оползень. Несколько недель искали четырех пропавших солдат, среди которых был Саша, но безуспешно – все они бесследно исчезли. Так

в семье Левиных появилось непроходящее ожидание вестей о сыне, живом или мертвом.

Старшая дочь Мария вскоре вышла замуж за морского офицера и уехала с ним на Сахалин. Затем младшая дочь Вера вышла за директора ресторана в Астане, который через несколько лет умер от сердечного приступа, оставив ей с трехлетним сыном квартиру.

С тех пор Петр Михайлович с Еленой Даниловной жили одни. А когда в 1991 году Советский Союз распался, жизнь в Казахстане разладилась, потянулись дни унылые и тяжелые. Многие соседи, немцы и русские, поспешили уехать в Прибалтику на поиски лучшей жизни или для продолжения пути дальше, в Западную Европу. Не рискнули лишь те, кто все еще размышлял, стоит ли уезжать туда, где никто не ждет. Но Павлодар тоже становился для них чужим. «Зачем здесь живешь? – спрашивали Левина соседи. – Вали в свою Россию. Не то без штанов туда побежишь». Подождав с надеждами некоторое время, Левины по примеру своих знакомых, которые уверяли, что «там будет лучше», решились-таки уехать. Они перебрались жить поближе к Балтийскому морю.

Трудно начиналась жизнь на новом месте. Левин чувствовал себя, словно с корнем вырванное дерево, а потом пересаженное на чужую землю. «Пришли другие времена», – вздыхала Елена Даниловна.

Размышляя о прошлом, Левин доел первый бутерброд и

взялся за второй. Теперь он думал о том, как проведет воскресный день, как после завтрака поедет на городской рынок продавать ведро облепихи.

Осенью, как только созревала облепиха, он ягоды собирал, лазая в кустарниках на побережье. Раньше, бывало, ходил до маяка пять километров и с полным ведром возвращался автобусом, а последние несколько лет собирал только в окрестностях деревни: далеко уходить из-за болезни спины не решался. Облепиха – ценная ягода, полезная. В ней витаминов много. Но возиться с ней – умаешься: ягоды плотно сидят на ветках, бывает, возьмешь облепишину, да неудачно – раздавишь, и желтый ее сок окрасит пальцы. Эти ягоды надо ножницами с ветки срезать, тогда аккуратней получается. Когда сезон облепихи заканчивался, Левин продавал фрукты и овощи из своего сада-огорода.

Выручив с продажи деньги, Левин заходил в магазин возле рынка и покупал красную икру на будущее воскресное утро. Он останавливался у витрины с выставленными в ней, как строй матрешек, банками с икрой разного объема. Левин глядел на них и всегда просил продавца подать самую маленькую. Потом доставал кошелек с заранее отложенными деньгами, рассчитывался, получал свою баночку и прятал ее в карман.

Прежде чем идти на Северный вокзал, Левин, выйдя из магазина, напрямик отправлялся в кафе «Причал». Здесь он занимал один и тот же столик возле окна, но если тот был за-

нят, то садился за соседний и по обыкновению заказывал сто грамм водки. Он выпивал, закусывал бутербродом с сельдью, а потом слушал, о чем толкуют городские. Смотрел в окно на прогуливающих мимо прохожих в летних, очень открытых платьях и рубашках, или на дождь, струящийся по окну, или на кружение разноцветного листопада, или на падающие хлопья снега – здесь ему в любое время года было уютно.

Какое-то время в «Причале» официантом работал студент Иван. Он приносил Левину стакан с водкой на блестящем алюминиевом подносе, а потом присаживался напротив, и они несколько минут разговаривали, пока было мало посетителей. Левин полюбил этого долговязого паренька с румяными щеками. Ваня возрастом и внешностью напоминал ему потерянного сына. Но Левин не учитывал, что с того времени, как Сашу отправили служить, прошло много лет, и что этот студент годится ему во внуки.

– И когда ты учиться успеваешь? – однажды спросил он Ваню.

– Я тут по выходным. А так по вечерам работаю с пяти, – объяснил студент.

– Тяжело учиться и работать, правда?

– Я, дедушка, привык.

– А в армии тебе тяжело служить было?

– В армии? – переспросил Ваня. – Я не был в армии.

– Как не был?

– Я после школы в университет сразу поступил. Может

быть, через три года, когда окончу, призовут.

Только теперь Левин опомнился, достал носовой платок и протер влажные глаза.

— Ух, заговорился я с тобой, друг. — посмотрел на часы. — Мне пора на автобус. — торопливо поднялся, рассчитался за водку, попрощался с Ваней и пошел на улицу.

В автобусе Левин сидел у окна, но ничего за стеклом не видел, а только думал: «Как это Ваня не служил? Нет, этого не может быть, все служат. Вот Сашка мой пропал, и неизвестно, где он сейчас находится и когда домой объявится или о себе сообщит. Ведь столько лет я не видел его!». Когда в квартиру звонили, Левин всегда с трепетным волнением отворял дверь, но в следующую минуту его надежда не оправдывалась, который уже раз. Саша все не появлялся.

В тот воскресный день, о котором идет речь, позавтракав наконец бутербродами с чаем, Левин стал собираться. Пора идти к автобусу. Левин надел свой темный пиджак, шляпу и с ведром облепихи вышел в сад.

В саду было тихо и тепло. Левин поставил ведро на дорожке, расправил плечи и глубоко вздохнул. Сад действовал на него благотворно, здесь легко дышалось. В воздухе вкусно перемешались сладковатый аромат прелой листвы, запахи сырой земли и свежего морского ветра. Левин посмотрел на желтеющую листву деревьев, на созревающие плоды груш и яблонь — собирать пока рано, и поскольку до автобуса оста-

валось еще достаточно времени, он направился по садовой дорожке к обрыву и там вышел через калитку. Левин остановился у кромки обрыва и стал глядеть на море, на небо, понаблюдав полет чаек, уныло кричащих, и маячащих над морскими волнами, потом вниз посмотрел на склон.

– Жадный разбойник, – сердито сказал он обрыву, плюнул в него, повернулся и зашагал прочь.

Подняв ведро, Левин вышел со двора и направился по дороге среди домов с палисадниками, мимо магазина – к остановке. Там он остался ждать у столба с автобусным расписанием.

На городском рынке Левин недолго топтался на своем месте среди ягодников. Покупатель нашелся быстро. Потом зашел в магазин, купил баночку икры и направился в «Причал». В кафе он сделал заказ, сел по привычке у окна и стал глядеть на улицу. Вани в этот раз не было: у него случился выходной по какой-то необходимости. За соседним столиком спорили и выпивали два посетителя с покрасневшими лицами. Левин не сразу прислушался к беседе приятелей, но скоро их пьяный разговор стал громким и навязчивым. Один, с пустым рукавом вместо правой руки, в тяготах своей жизни обвинял коммунистов, другой, седовласый старик, осыпал проклятиями демократов.

– Мало им, – ворчал однорукий, – всё к власти рвутся.

– Прежде жили спокойно, а сейчас чего? – вздыхал старик. – Разорили всех... Вот не справедливо-то, а! Все, устал

я, ох, как устал от этих реформ и никаких других не хочу! Хватит уже.

– А сколько народу истребили строители коммунистического рая! Разве справедливо? – продолжал однорукий. – Чтоб их самих леший забрал. Нам голову заморочили и сами запутались.

– Народу всегда голову морочили, – заметил на это старик. – Большевики тоже морочили. Теперь демократы морочат. Они там, как шмели, сами себе на уме жужжат, жужжат, – нас с тобой обирают, да все в свой карман складывают.

Сказав так, старик наклонился, пристально поглядел в глаза однорукому и проговорил, помахивая в воздухе указательным пальцем:

– Одним словом, бесы. Это они во всем виноваты...

Эмоциональные рассуждения соседей немало возмутили Левина, он нахмурился и проворчал: «Пустословы!». После чего мысленно пожелал им и себе здоровья, допил водку, поднялся и пошел из кафе.

– Трудности преодолевать нужно, а не рассуждать в кабаках, – проговорил он, проходя мимо собеседников. – Тому, кто борется, и Бог помогает. – Но увлеченные разговором приятели не обратили на него никакого внимания.

Левин редко думал о Боге. Из-за глубокого понимания природы жизни, физических и химических явлений, протекающих в ней, поверить в общепринятый образ Бога никак не получалось, а словом «Бог» он обозначал такую совокуп-

ность необъяснимых явлений, которые властвуют над человеком, помогают ему или наказывают за ошибочные поступки. По его мнению, эта невидимая материя обладает сверхсилой и пока еще находится за пределами понимания человеческим разумом. Но Левин был уверен, что придет время, изобретут мощные измерительные приборы, которые уловят эти силы, и тогда уже наука сможет нам все непонятное объяснить. А пока истина все еще от нас далека.

На улице, по которой Левин обычно ходил к Северному вокзалу, большой участок обнесли сплошным забором. Строительство нового здания еще не началось, и землю расчищали бульдозером. В тот раз Левин вошел в распахнутые ворота, чтобы посмотреть, что делается. И тут, посреди разъезженной техникой площадки, он увидел маленькое деревце. Это был клен. Каким чудом он смог здесь уцелеть? Непонятно. А тем временем бульдозер с опущенным ковшом, рыча по-звериному, выпуская из трубы черный дым, приближался к маленькому клену, который, вероятно, весной проклюнулся, и теперь на нем всего три листа, протянутых вверх, – совсем как младенец: испугался железного чудовища и на руки просится.

Бульдозер тщательно скреб по земле ковшом, он все ближе подбирался к маленькому клену. Встревожился Левин за жизнь проростка, – ведь сейчас погибнет он под машиной, – и бросился к водителю, чтобы тот немедленно остановился.

Затем Левин попросил у рабочих лопату и в окружении любопытных строителей бережно выкопал сеянец. После этого поместил его в ведро и зашагал к остановке. Левин решил отвезти клен в деревню, чтобы посадить в своем саду.

— Буду заботиться как о родном, — пообещал он, глядя на клен в ведре. Левин был очень доволен тем, что вовремя в нужном месте оказался и сумел спасти дерево от гибели.

Вернувшись в деревню, Левин посадил клен позади своего дома, где было свободное место и достаточно светло. Полил саженец дождевой водой, — она накапливалась в большой железной бочке, которая стояла на углу дома под водосточной трубой. Потом сел рядом на землю и заговорил с маленьким кленом, как с человеком. Больше Левину поговорить было не с кем, и оттого чувствовал он большую потребность высказаться, поведать о своей жизни. А вспомнить ему было много чего и хорошего, и печального.

— Вот судьба-то какая! — говорил Левин. — Как угрозило тебя в таком месте родиться — посреди города? Почему не в парке? Там-то спокойнее, старшие деревья в обиду не дали бы. А тебя неизвестно каким ветром одного в самый городской центр занесло. Там разве выживешь? Я тоже в городе жил, знаю каково это, да вот уехал оттуда. И слава Богу. Так вот и тебе повезло. Ну да ладно, теперь-то все позади и бояться больше нечего. У каждого своя судьба, своя дорога. Расти в моем саду, здесь тебя никто не обидит, я присмотрю. Беда у нас, брат, только одна. Обрыв. Все к саду моему при-

ближается. Но, будь уверен, этого проклятого злодея я в сад не пущу. Не отдам ему свои деревья. Прошлой весной я достаточно кустов шиповника и облепихи посадил на откосе. Они удержат обрыв своими корнями...

К зимним ураганам Левин готовился с весны, будто к жестокой битве. Терпеливо сажал траву, кустарники и деревья. Все эти молодые кусты и деревья он на пустырях и на стройке выкапывал, там же срезал толстыми пластами дерн. Иногда находил саженцы и в других «случайных» местах. Выковыривал маленькие ростки берез из старых кирпичных стен сараев; березки там часто из семечка проклевывались, а потом своими корнями портили кладку. Саженцы и дерн Левин вывозил на большой скрипучей тележке. А потом целыми днями лазал по склону, сажая растения.

– Довольно ему, проклятому, землю у меня отбирать и деревья губить, – рассуждал он. – Нет, не умру я, пока обрыв не одолею.

Прижился маленький клен на новом месте, корнями за землю ухватился, поднялся и окреп. Следующей теплой весной он раскрыл молодые листья и тронулся в рост. Так клен стал самым близким Левину существом на целом свете. Деревья лучше всех человека понимают, когда между ними устанавливается невидимая, тайная связь.

II

Левин заботился о маленьком клене прилежно. В апреле подрезал ветви у соседней сливы, чтобы не закрывали от клена солнце.

Когда набухли кленовые почки, когда полезли зеленые листья, Левин приветствовал клен, пробудившийся от зимнего сна. Потом сел рядом с ним и долго не мог наговориться.

«Ведь слушает, – радовался он про себя, – так внимательно слушает, что листочком не шелохнет».

– Вот и весна, – с удовольствием проговорил Левин. – Тепло наконец к нам пришло. А листья какие у тебя нежные, зеленые, молоденькие. – Левин провел пальцами по листку. – Сок по жилкам твоим быстро бежит. Значит, хорошо тебе в моем саду. Понравилось. Я когда в городе жил, часто море вспоминал. Понимаешь, гляжу я тогда в окно и не шумную улицу вижу, а море, не сквер через дорогу, а сад, не дымящие фабричные трубы, а чистое синее небо. Вот и сбылось однажды...

Петр Михайлович и Елена Даниловна сняли квартиру в старом доме на набережной Преголи. Старые советские документы нужно было менять немедленно. Но российское гражданство переселенцам получить удалось не скоро. То длинные очереди, то говорили, какие-то бумаги из Казахстана должны выслать. А бумаги не высылали и справок не дава-

ли. Новые документы ждали бесконечно долго. Без них Левин не мог работать в школе учителем, и потому пришлось зарабатывать деньги непривычным трудом. Устроился он на торговый склад грузчиком. Личные документы Левина тут никого не интересовали. Хозяину склада важнее всего, чтобы работник был исполнительным и честным.

Теперь Левин работал с утра до позднего вечера. Чтобы не тратиться на автобусные билеты, ходил пешком три остановки и через мост над Преголей. Бывало, он останавливался на мосту, там, где среди деревьев открывается вид на Кафедральный собор. Левину нравился этот живой памятник четырнадцатого века с большими часами на башне под шпилем. Много войн пережил собор на своем острове. После штурма Кенигсберга в сорок пятом вокруг него чернели горелые развалины разбитых улиц. И по собору били. Он был превращен в руины. Но вот же стоит, заново возведенный, одинокий посреди парка. Теперь в определенное время из главной башни доносится звонкий бой пяти колоколов. Слушая их, Левин чувствовал, как вместе с этой башней, возносящейся в небо, возвышается и его дух, появляется уверенность. И казалось ему, что сможет он справиться со всеми трудностями, которые, словно стену, возводит перед ним судьба.

Елена Даниловна, тем временем, ежедневными кругами обходила конторы, пока вдруг неожиданно не заболела. Слегла она от опухоли, которая неизвестно откуда взялась и

принялась пожирать изнутри бедную женщину. Лечение не помогало. Даже привезенные с собой из Казахстана деньги (там были проданы и квартира, и громоздкая мебель), которые последовательно перетекали в карманы многочисленных врачей, тоже не оказали лечебной силы. Так и не дождалась Елена Даниловна ни паспорта, о котором хлопотала больше года, ни работы в школе. Жизнь ее погасла.

Для Петра Михайловича потеря жены оказалась мучительным и тяжелым испытанием. Ему хотелось остановиться, перевести дух, оглянуться на прошлое, подумать о своем будущем, о том, что назад пути нет.

День за днем Левин работал в саду: делал грядки, сеял, пропалывал, а между делом укреплял склон обрыва, сажая траву и кустарники на обнажившихся за зиму участках. А к концу дня, пока было светло, он садился на пластиковый стул возле клена и говорил с ним. Соседи давно заметили эту странность Левина и между собой в полголоса болтали: «Неужели учитель наш спятил: то ли сам с собой разговаривает, то ли с деревьями», – и качали головой. Но Левин не обращал внимания на их разговоры и, сидя возле клена, продолжал свой рассказ:

– На складе все грузчики были молодыми. А мне уже за сорок семь, и я среди них – самый старший. Кое-кто в ученики мне годился. Но никого это не удивляло, – люди там работали разные: и переселенцы, и учителя, и инженеры, и студен-

ты, и даже бывшие заключенные. Кто надолго задерживался, а кто не выдерживал и недели...

В смене Левина работали два грузчика: Федор, – бывший судовой механик – серьезный, плотно сбитый и закаленный морскими штормами, он оставил рыбный промысел, как говорил, из-за хронического отсутствия зарплаты; и Алешка – молодой человек лет двадцати из деревни, худой, с впалыми щеками и очень короткой стрижкой.

Много чего случалось на складе за годы работы Левина. Однажды с верхнего стеллажа свалилась коробка с дорогим немецким сервизом. Неизвестно, кто ее туда поставил. А рядом только Алешка оказался. Он с испугу кинулся к коробке, да не успел – все, что в ней было – разбилось.

На шум бьющегося вдребезги фаянса двое охранников появились как из-под земли. Алешка даже свой удивленный рот закрыть не успел, так они уже тут, стоят, улыбаются, ехидные замечания отпускают. Пересчитали битый товар, потом выписали бумагу на штраф и в шутовском настроении, рассуждая, сколько кружек пива в баре можно было выпить за эти разбитые деньги, удалились.

Никто не собирался тратить время, разбираться, искать виновного, который додумался поставить коробку с сервизом на верхнюю полку. Выходит, оштрафовали Алешку то ли за то, что рядом оказался, то ли за то, что поймать коробку не успел, – из его зарплаты потом вычитали три месяца подряд.

– Несправедливо с тобой, друг, обошлись, – говорил Левин. – Да и незачем тебе было к коробке бежать. Ведь еще Галилей сказал: «Мы ощущаем груз на наших плечах, когда стараемся помешать его падению». Следовательно, все равно не спас бы посуду, а то мог бы еще и покалечиться.

Алешка поглядел на Левина недоверчиво.

– Падающее тело веса не имеет, только если вместе с ним падать, – продолжал объяснять Левин. – Разве тебе это неизвестно? Таков закон невесомости. В школе я много раз опыт с гирей на пружинных весах ученикам демонстрировал. В жизни-то оно все по законам физики.

Рассуждения Левина услышали другие работники и заговорили между собой:

– Какая разница, что Галилей сказал, все равно платить за разбитый сервиз Алешке придется.

«Чтобы впредь не совершать подобных ошибок, – хотел им ответить Левин, но промолчал. – Не стану спорить о том, что наукой уже давно доказано. Этих людей сама жизнь научит синяками».

С тех пор прошло не так много времени, как снова Левин столкнулся с невежеством. Как-то раз Алешка сложил мешки с польским сахаром на паллет, да вышло неудачно: веревка развязалась, и мешки повалились на пол. Два из них порвались, и сахар просыпался в количестве, как потом посчитали, три килограмма восемьдесят с лишним граммов. Пришлось заново мешки укладывать. А из Алешкиной зарплаты

потом стоимость утраченного сахара вычли – всю до копеечки.

– Сначала веревкой в три оборота обматывай, – подсказал ему Левин, – а потом узел завязывай, так надежней будет.

Парень послушался и сделал, как рекомендовал опытный напарник. Теперь вышло прочно.

– Спасибо за совет, – сказал Алешка.

– Не меня благодари, а Эйлера, – ответил Левин.

– Кого?

– Эйлера. Это он еще в восемнадцатом веке установил зависимость силы трения от числа оборотов веревки вокруг предмета. Разве тебе неизвестно?

Алешка усмехнулся. Ответить ему было нечего.

– Кто умеет правильно и разумно использовать свои знания, у того и жизнь получается толковая и трудностей бывает меньше, – продолжал Левин. – Как ни старательны твои поступки, а против законов физики не пойдешь, как заблагорассудится, – они тебе этого не позволят. Вот и выходит, что многие старания твои оказываются бесполезными. Посмотри на узел, в нем все силы направлены к единой цели – оттого он и крепче. В природе все законам подчиняется, и никто не может их нарушать. Только человек нарушает, если нет у него знания. Так и будет он платить за свое невежество.

Рассуждения Левина вызывали интерес у грузчиков, его слушали с любопытством, но толку от этих разговоров было мало. И Левин огорчился от того, что его не понимают.

Как-то раз один охранник заметил другому:

– Послушай, в отпуске я занимался ремонтом квартиры. Нанял рабочих. Так вот, с утра до вечера кроме мата я ничего другого от них не слышал. Понимаешь? Что ни фраза, то резким словом приправлена. Вот это были рабочие – настоящие! А эти о Галилее, о науке рассуждают.

– Распоясались наши умники. Начальству давно бы следовало запретить эти разговоры. Здесь склад, работать надо, а не лекции читать.

– А что, это даже любопытно: рабочие-философы, – оба засмеялись.

Управляющий сменой Ахмет Баев, человек средних лет, невысокий, смуглый с черными глазами, держал всех сотрудников в железных рукавицах – никому не позавидуешь. Особенно не любил церемониться с грузчиками.

– Эй ты, чего простаиваешь?! Давай работай! – с такими словами Ахмет, протирая платком потный лоб, приблизился к Левину, который едва только выпрямился и на минуту в сторону отошел, дух перевести, а то голова чего-то закружилась. – Не стой, бездельник, скоро еще фура придет. Часами прохлаждаться у нас некогда! – голос его звучал грубо, сердитый взгляд сверкал из-под густых черных бровей. – Я-то вас быстро работать научу!

Левин молча вернулся к фуре.

– Двигайся резвее! – продолжал управляющий. – Штрафовать буду! Ты работать пришел, деньги зарабатывать, а не

стоять! Думал, в сказку попал? Сюда никого насильно не тянули. У нас деньги за красивые рассуждения не платят. — Ахмет встал подбоченясь, с надменной физиономией, а потом добавил: — Да купи себе дезодорант от пота!

«Штрафы, целый день только о штрафах и слышу, — вздыхал Левин, неся мешок картошки на спине. — Вот, дело как обернулось. Этот управляющий, как говорят, и школу-то не окончил, а мною командует, понукает грубиян. Позор на мою голову. Вытерпеть бы, пережить все это, не сломаться».

Левин теперь с тоской вспоминал, как в павлодарской школе к нему все относились с уважением: и учителя, и родители, и директор. Так было, пока не сменилось руководство республики. Тогда еще он и представить себе не мог, что когда-нибудь придется таскать мешки, чтобы выживать на другом краю страны. И от таких мыслей становилось горько: жаль было терять время на складе. Досадно, что не учителем в школе работал, а на хозяина, которого никогда не видел, и на которого было наплевать.

Хозяина склада грузчики хоть и не видели, но много о нем слышали: «Хозяин будет доволен», или «Хозяин будет недоволен». И Левину образ этого человека рисовался самый необыкновенный. Не зная, отчего при упоминании хозяина он представлял себе большую обезьяну, которая сидит за решеткой в городском зоопарке всегда с мрачным видом и сердито сверкающими глазами. И потому перед таким комическим образом хозяина Левин никакого трепета не ис-

пытывал.

Однажды утром перед началом рабочего дня Ахмет выстроил перед собой в полукруг свою смену: грузчиков, кассиров, продавцов. Все понимали, сейчас что-то неприятное начнется. И началось: управляющий, что ни фраза, срываясь на грязную ругань, взревел:

– Кто украл семь кило помидоров?.. – обвел всех пристальным взглядом. – Молчите?.. Что же, все равно выясним. Наша служба безопасности найдет вора. Хотя по цвету лица! Лучше сейчас признайтесь, – а потом добавил: – Не найдем одного – всех оштрафуем!

Но вор не признался, и наказаны были все: и продавцы, и кассиры, и грузчики.

Бытовые условия на складе долгое время оставались примитивными. Унитаз и водопроводный кран размещались в маленькой пристройке, но вода из крана тонкой струйкой текла лишь в ночное время, а больше грузчикам помыться было негде. Воду для них набирал охранник. Для этого ему оставляли три ведра и большой алюминиевый таз. А днем все экономно мыли руки и смывали за собой маленьким ковшиком. Левин никак не мог приспособиться к этому неудобству с ковшиком, приходилось звать кого-нибудь, чтобы полил на руки. Но часто коллеги отмахивались от него, потому что были заняты. Тогда Левин брал ковшик в зубы и пытался поливать на руки сверху, однако терпение заканчивалось прежде чем вода, и хотелось рычать от негодования. Вско-

ре он наловчился держать ковшик одной рукой, направляя струю на другую, и так далее поочередно. Затем он придумал наполнять пластиковую бутылку водой и, сжимая ее между ног, ухитрялся мыть руки внаклонку, осторожно, чтобы не забрызгаться. Наконец по дороге на работу Левину попался оброненный кем-то подходящий кусок проволоки, в уборной он свернул его кольцом и прикрепил к стене. По необходимости Левин вставлял в кольцо полную бутылку верхним дном, зажимал, чтобы не выскользнула, и мыл руки под мощной струей. Ничего лучшего среди пустых стен не приспособишь. Когда построят душевую – неизвестно. Может быть, никогда. От санитарного контроля хозяин всегда ловко откупался.

Мучительно долго тянулись дни, тяжело ползли месяцы, так прошло еще полгода. Левин откладывал деньги с каждой получки. И вот однажды он пересчитал свои сбережения и решил: если потуже затянуться ремнем, то еще пару месяцев такой работы, и денег будет достаточно, тогда можно ускорить оформление документов и начать поиски работы в школе. Но беда пришла неожиданно: случилось резкое падение курса рубля, и все накопленные деньги превратились в толстую пачку бесполезной бумаги. Как же это? Вот несчастье-то!.. Недолго погоревав, Левин сунул всю пачку в карман, пошел в гуманитарный магазин и купил не слишком заношенную теплую рубашку, – ведь скоро зима наступит. А деньги пришлось собирать заново. Мешок за мешком таскал

Левин на спине и с каждой зарплаты покупал американские доллары – так оказалось надежней.

Прошел еще один год. Терпение Левину стало изменять, он едва ли не отчаивался от беспросветного своего существования. Но долгожданный день все-таки наступил. Как в волшебном сне Левин достал из-под подушки пакет накопленных денег, пересчитал и присвистнул от удовольствия – оказалось достаточно. Тогда он собрал все до последней купюры и отнес чиновнику. Вот когда дело наладилось! Через несколько дней Левин получил долгожданные бумаги, а вскоре и паспорт. Со счастливыми слезами на глазах он вернулся в свою квартиру. «Свершилось! – весело сказал он самому себе. – Отныне я снова полноправный гражданин». Левин воспрял духом. Вновь появилась надежда.

В ближайший выходной Левин взял новый паспорт и с ним поехал к Елене Даниловне на кладбище. Там выпил стаканчик водки, отдал початую бутылку терпеливо ждущему бродяге – пусть греется. Одетый в рваное тряпье, вонючий и заросший так, что лица не видно, этот бродяга каждый день среди могил караулил угощение от посетителей. В тот день Левин долго сидел над могилой в глубокой задумчивости. А бродяга, напившись, крепко спал у соседнего памятника.

Работу на торговом складе Левин бросить не мог. Еще полгода таскал мешки, чтобы отложить денег на первое время. Тупое и грубое это занятие больше не угнетало: теперь он в любой момент мог бесконечные мешки оставить и уй-

ти, наконец, на волю. В свободные дни Левин искал подходящую вакансию учителя в школе.

Когда в управлении образования Левину предложили поехать в деревню, он, не раздумывая, согласился. Секретарь написала короткое рекомендательное письмо в администрацию сельской школы, и обнадеженный этим письмом Левин стал собираться в поездку. Он надел костюм, который несколько лет висел в шкафу без надобности, смахнул с него щеткой пылинки, взял свой неизменный портфель, надел шляпу, поглядел на себя в зеркало и с гордо поднятой головой вышел из дома.

Была ранняя весна. Левин приехал на взморье. Сразу отыскал школу и направился в кабинет директора. Директор Роман Павлович Корецкий – пожилой, крупный с белыми выющимися волосами – встретил Левина с приветливой улыбкой. Потом ознакомился с рекомендательным письмом, изучил трудовую книжку и, поглядев на Левина поверх очков, сказал: «Хорошо, Петр Михайлович, принимаем», – и немедленно вызвал завуча по телефону.

Маргарита Ивановна Косарева – дама средних лет, с острым, как у лисы, носом и поднятыми вверх тонкими треугольными бровями – уверенным шагом вошла в директорский кабинет.

– Вот, знакомьтесь, Петр Михайлович, новый учитель, – сообщил ей Роман Павлович.

– Очень приятно, – сказала Маргарита Ивановна и протя-

нула Левину руку.

– Учитель, физик из Павлодара, – объяснил Роман Павлович. – Оставил работу в городе, желает на селе поработать. Низкий оклад в нашей школе, говорит, не смущает, – он поглядел на Левина и поинтересовался с ухмылкой: – Неужели грузчиком тяжелее работать, чем в школе, а?

– Вовсе нет, – тотчас ответил Левин, – только учителю работать грузчиком даже в наше сумбурное время нехорошо.

Роман Павлович засмеялся, довольный ответом, Маргарита Ивановна сдержанно улыбнулась.

– Что ж, Петр Михайлович, пойдете в учительский кабинет знакомиться, – предложила она.

Левин кивнул.

– Заявление оставьте у секретаря, – сказал Роман Павлович. – Вот, возьмите свою трудовую книжку. Остальные документы, я надеюсь, с собой?

– Да, все при мне: паспорт и диплом, – ответил Левин.

– Хорошо. Тогда желаю успехов.

– Спасибо.

Пропустив Левина вперед, Маргарита Ивановна вышла из директорского кабинета, закрыла дверь и сказала:

– Вам, наверное, уже объяснили: в школе пока свободна вакансия математика. Нашему учителю физики осталось три года до пенсии. Но потом, вероятно, место его освободится. Вас это не смущает?

– Нет, мне уже приходилось вести математику в старших

классах, – сразу ответил Левин.

– Хорошо, – сказала Маргарита Ивановна. В ее тоне звучала подозрительность, словно она затруднялась определить, серьезно ли этот человек приехал из города, чтобы преподавать в сельской школе, или только шутит. На сумасшедшего-то он не похож. Она немного подумала и продолжила: – Вам предоставят жилье. Дом находится в соседней деревне. Так что придется ездить местным автобусом, он три раза в день ходит.

– Ничего, я велосипед куплю, – невозмутимо ответил Левин.

В учительском кабинете никого не было: уроки еще не закончились. Маргарита Ивановна угостила нового коллегу чаем с печеньем, и пока они за разговором ели, все хотела о чем-то его спросить и наконец решилась.

– А с подростками вы как... – на мгновение задумалась, но сразу добавила: – как вы находите взаимопонимание?

Левин улыбнулся, поглядел на нее и убедительным тоном ответил:

– Не волнуйтесь, мои методы не выходят за рамки педагогических догм.

Маргарита Ивановна взглянула на него холодно. Потом она стала спрашивать Левина о прежней его жизни, и тот охотно рассказывал, ничего не скрывая. Она слушала внимательно и даже прониклась сочувствием к судьбе этого переселенца. Но школьный звонок вскоре оборвал их беседу.

В кабинете на время перемены стали собираться учителя. Тогда Маргарита Ивановна предложила Левину отправиться осмотреть дом. Директор позволил им взять его машину, но просил не задерживаться, а то ему еще в город надо успеть на совещание.

Они ехали брусчатыми улочками, потом проселочными дорогами куда-то на самую дальнюю окраину приморской деревни. По пути Маргарита Ивановна предупредила:

– Вы не пугайтесь, дом старый, но все еще крепкий. Хотя в комнатах требуется сделать ремонт.

– А отопление есть? – поинтересовался Левин.

– Котелок на кухне, – ответила она. – Зимой будете получать уголь ежемесячно. Учителям бесплатно.

Маргарита Ивановна остановила машину возле деревянной калитки. Они вышли и направились по тропинке к дому. Это был маленький, обветшалый немецкий особняк из красного кирпича, с двускатной черепичной крышей. Издалека он казался прочным и надежным. Вокруг дома рос небольшой сад, за которым давно не было ухода. В тот весенний день сад выглядел угрюмым – вид пробуждающихся после зимнего сна одичалых зарослей. Левин огляделся по сторонам, посмотрел на деревья, кустарники – все здесь надо приводить в порядок, подлечить и перекопать вокруг стволов, подрезать ветви. Между тем, бряцая связкой ключей, Маргарита Ивановна открыла дверь в прихожую, и они вошли.

Три маленькие комнаты, кухня, туалет с ванной. Всюду

невыветриваемый запах сырости и тления. Облезлые половицы старчески поскрипывали и кряхтели, когда по ним, как по клавишам, ступали. По потолкам и углам пыльными мешками висела паутина, сквозь оконные стекла с трудом пробивался белый свет. Голые стены с обшарпанными обоями зеленоватого, как плесень, тона наводили тоскливые чувства.

– Подумайте, Петр Михайлович, сможете ли вы здесь жить? – сказала Маргарита Ивановна. – Впрочем, другого жилья мы все равно предложить не можем.

– Работы будет много, – вздохнул Левин, следуя за ней и осматривая мрачные комнаты. – Но ремонт сделать не сложно.

– Я тоже так думаю, – проговорила Маргарита Ивановна. – Ну, мне пора. Вы можете переночевать здесь, а завтра приходите ко мне и сообщите свое окончательное решение. Договорились?

– Хорошо, – ответил Левин.

Направляясь к двери, Маргарита Ивановна сообщила:

– Чистую постель найдете в шкафу, – и добавила: – Заходите есть – магазин напротив остановки.

– Спасибо, – тихо поблагодарил Левин.

– Да, кстати, – Маргарита Ивановна остановилась в прихожей, – советую купить средство от комаров, иначе не дадут вам спать.

Левин молча кивнул.

Оставшись в дряхлом доме, Левин походил по комнатам,

осмотрелся, прошел в спальню, сел на койку и стал рассуждать. Сменить обои, покрасить пол и побелить потолок во всех комнатах – это прежде всего. Мебели на первое время достаточно: стол, стулья, платяной шкаф старый. Потом нужно привести в порядок сад и забор поправить. Тараканов не видно – давно вымерли с голоду. Но вот комары, почувяв нового жильца, оживились, начали слетаться, звенеть над ухом – дождались окаянные.

А за окном весна.

Левин поднялся и подошел к окну. Там среди голых яблонь он увидел серое море, глубокое синее небо. Он открыл окно, и со свежим весенним воздухом и солнечным светом в комнату хлынули звуки. Он прислушался к ним: шорох ветра в деревьях и монотонный гул моря внизу. По земле в саду, стенам и на полу в доме колебались ветвящиеся тени деревьев. Тихая безмятежная обстановка вокруг пришлась Левину по душе.

В ту ночь долго не получалось заснуть. Левин лежал в непривычной тишине и размышлял над своей судьбой. Комары не приставали: действовала купленная в магазине отравы – дымящаяся зеленая спираль. А на другое утро с большой головой (на проклятой койке как ни повернись – спину не выпрямить) он отправился в школу, чтобы сообщить: остаюсь.

В тот же день Левин вернулся в город, чтобы уволиться со склада и организовать переезд в деревню. Вначале он пошел

к Ахмету.

– Работать! – воскликнул управляющий, как только увидел грузчика.

– Я с заявлением, – спокойным голосом ответил Левин.

– Каким еще заявлением?

– Я увольняюсь.

– Как смеешь?! Что ты такое придумал?

– Нашел работу по специальности.

– И много обещают платить?

– Мало, – честно признался Левин.

– Тогда иди к мешкам. После обеда еще фуры придут. Разгружать некому! – прокричал Ахмет.

Но Левин молчком положил заявление на стол.

– Так, значит, решил? – Ахмет побежал глазами по бумаге.

– Решил, – ответил Левин.

– Хорошо, мой умный друг, – заговорил управляющий спокойнее. – Я подарю тебе свободу. Иди, неси знания людям, учи их жизни. Чтоб все они были такими умниками, как ты.

Левин поглядел на управляющего хмуро. Ахмет продолжал:

– Но знай, мне это очень неприятно, – он пояснил: – Если все будут образованными, кто же потом станет служить грузчиками, мусорщиками, уборщиками?.. Молчи, я догадываюсь, что ты хочешь ответить. Да, на мой век хватит грузчи-

ков, но я думаю о своих детях. Кто у них будет работать? Руки в дерьме марать никто не хочет.

– Извините, – вполголоса промолвил Левин, – но вы ошибаетесь.

– Молчать! – рявкнул Ахмет. – Ересь – эта ваша наука. Только денег бесконечно требует, как иждивенка. Скоро она совсем стухнет, если раньше не сожгут всех вас и ваши учебники на костре.

– Это вздор, – печально сказал Левин, от негодования его судорожно передернуло, но тут же добавил: – Между прочим, эта ваша торговля иностранными товарами для государства хуже любого паразитизма.

– Поживем, увидим, где тут, на самом деле, правда, – философски отреагировал управляющий. – С вашим альтруизмом сыт не будешь. Деньги – это жизнь, счастье и сытые дети. А наука никому не нужна. Ну да черт с тобой, – бросил он. – Уходи. Сегодня подпишут приказ, чтобы тебя рассчитали. Свои семьдесят процентов получишь вечером. А сейчас – к мешкам.

– Как это семьдесят?! – воскликнул Левин. – Ведь я трудился весь месяц полное время.

– А ты разве не знал? При расчете мы оставляем тридцать процентов в фонд ревизии на покрытие кассовых недостач.

– Это несправедливо!

– Вся наша жизнь несправедлива. Но у тебя есть выбор: ты можешь остаться и получать хорошие деньги на складе.

Я тебе прибавлю немного за науку твою, а? – ухмыльнулся.
– Ни минуты я здесь не останусь, – резко ответил Левин.
– Что ж, ты сам сделал выбор, дорогой, – улыбнулся Ахмет, потирая руки.

Левин вышел из кабинета управляющего немало оскорбленный, но в душе его появилась легкость – ощущение свободы, как будто с ног сняли рабскую цепь. Пройдет несколько лет, и встретит он Федора-моряка и узнает от него, что хозяина торгового склада посадили за какую-то денежную махинацию. А управляющего Ахмета уволили за воровство. «Всему приходит конец, а плохому – и подавно», – заметил тогда Левин.

Начинало темнеть. Закончив свой рассказ, Левин поглядел на маленький клен, и деревце покачало листьями, словно история человека произвела на него большое впечатление. Левин улыбнулся ему, поднялся и пошел в дом.

Осень прогнала тепло холодными ветрами. Деревья преобразились, словно нарядились в красочные платья. Последние стаи птиц покидали родные края. Их прощальные голоса тоскливо доносились с серого неба.

В один из тех дней, выйдя в сад, Левин с удовольствием заметил, как изменился подросший за лето молодой клен: его листья горели золотистым солнечным светом.

– Какой ты у меня красивый! – промолвил Левин. – Глаз не оторвать. Каждый листок светится на солнце, как радость

в моей душе. Подрос, значит, прижился ты у меня. Вот и еще одна зима впереди. Перезимуем? Верно, перезимуем. Я уверен в тебе, мой друг.

Потом он снова увлекся воспоминаниями и, сидя у клена, рассказывал ему о своих первых годах жизни в приморской деревне.

– Когда я вновь приехал на взморье в тот весенний день, я почему-то чувствовал, что меня здесь ждут. Казалось, и дом, и сад, и спокойное море внизу – все приветствовали меня тепло и радушно. Перво-наперво, я разобрал свои скромные пожитки, а потом долго прибирался в доме. Словом, провозился до самого вечера. Время близилось к ужину, и тогда я решил прогуляться по деревне, зайти в магазин, чтобы купить молока, хлеба и какой-нибудь крупы...

Деревня произвела на Левина впечатление безлюдного захолустья, словно она доживала последние годы своей старости. На единственной улице обитали несколько стариков. Ветхие дома с замшелыми черепичными крышами виднелись среди дымчатой серости весенних садов. Зато вокруг была тишина, воздух прозрачный, бодрящий, морской.

Возле соседнего дома на скамейке сидел мужичок в рваной телогрейке и болтал ногами, обутыми в кирзовые сапоги. Он со скучающим видом глядел на бродящих по двору кур. Было ему на вид лет семьдесят, а может, и больше. Левин подошел к мужичку, поздоровался и спросил:

– Давно ли в том доме не живут? – показал рукой на особ-

няк.

– Уже поболее года будет, как пустой стоит.

– А что с хозяином?

– Умер, – коротко ответил мужичок и сразу спросил: – А вы, что ж, новый учитель никак?

– Да.

– В том доме тоже учитель жил. После него долго не могли найти нового. Нынче на село неохотно едут.

– Что-то у вас молодежи не видно. Кого мне учить?

– Молодежь наша вся в городе теперь учится и работает, – ответил мужичок, глубоко вздохнул и добавил: – А ученики вам найдутся из окрестных поселков. – Сказав это, он подумал недолго, перестал болтать ногами и проговорил: – Ничего, ничего, учителя тут ценятся. Иначе без вашего учения пропасть тут можно, чего доброго. Вот так-то нынче в деревне. Читать, писать скоро разучимся. А вы вот в нас человеческие чувства и навыки закладываете, русскую душу поддерживаете. Спасибо, что к нам приехали. Поклон вам низкий, – мужичок поклонился.

От таких искренних пожеланий Левину сделалось радостно, он улыбнулся и сказал:

– Спасибо вам за добрые слова.

– Удачи вам, милый человек, – ответил мужичок, ссутулился, упираясь руками в скамейку, и снова стал болтать ногами.

Попрощавшись с ним, Левин направился дальше. Мужичок

чок проводил нового учителя доброжелательным взглядом и уставился на кур, которые ходили по двору и жадно, как будто последние живые дни, склевывали, что попадется.

Вернувшись из магазина, Левин оставил пакет с продуктами на крыльце и направился по садовой дорожке, затем через калитку в березовую рощу. Там он сел на краю обрыва и свесил ноги.

Янтарное солнце ложилось в пуховую перину угрюмых синих облаков, поднимающихся из-за моря. Приятно веяло морской свежестью, терпко благоухало распускающимися деревьями и кустарниками. Давно Левин не испытывал такого чувства покоя, как сейчас, в эти удивительные минуты наедине с природой. Он просидел над обрывом до наступления сиреневой темноты. Между тем вспомнил Ахмета, который строил злые гримасы и ругался, но его лицо на фоне безбрежного моря показалось Левину смешным и лишним. Потом вспоминал школьного директора и местного старожилу, что склонился перед ним с благодарностью. И снова Левин ощутил тепло от приветливых слов того мужичка, и глаза его заблестели от счастья. Нет, в город возвращаться ни за что не хотелось.

Долгожданная работа в школе наладилась с первых дней. Уроки проходили успешно, интересно, совсем как в прошлом. Левин был строгим и требовательным, и ученики прониклись к нему уважением. В классе быстро устанавливалось взаимопонимание. Все у Левина по законам выходит. Вот так

и надо. Учителя тоже скоро открыли в нем интересного, отзывчивого коллегу и весьма обаятельного человека. Он был талантлив, и это признавали все. Левин радовался успехами своих учеников на областных олимпиадах по математике и физике. Но велосипед он так и не купил: все деньги уходили на домашнее хозяйство. Поначалу он ездил в школу автобусом, но потом все чаще стал ходить пешком. Сорокаминутная прогулка два раза в день доставляла ему удовольствие.

Больше месяца Левин делал ремонт в доме. Накопленных в городе денег ему едва хватило на покраску пола и побелку потолков в комнатах, а обои сменил только в гостиной. Потом Левин навел порядок в саду: сделал обрезку ветвей, заплombировал дупла, а на двух грядках стал выращивать морковь и капусту. Тогда еще Левин не знал, что обрыв к его дому приближается. Лишь поздней осенью, после урагана, он увидел, как пропали три березки, стоявшие на краю обрыва. Левина охватила тревога, он впервые задумался об угрозе, которую таило в себе соседство обрыва. Учителя в школе советовали сажать на склоне траву и кустарники. Мол, они разрастутся и своими корнями удержат склон от осыпей. Так началась борьба сельского учителя с обрывом. Все свободное время Левин работал в саду и укреплял берег.

Весна на взморье начинается с цветения примулы. Леви-ну особенно нравилась эта пора. Деревья еще стоят голые, а под ними там, где пригревает солнце и растаял снег, появля-

ются желтые фонтанчики душистых цветов на высоких стебельках, над которыми уже бубнят деловые шмели. С каждым солнечным днем цветов в рощах распускается все больше. А спустя несколько недель, когда деревья одеваются нежной дымкой листвы, влажную землю белым ковром устилают ветреницы, среди которых выглядывают синеглазые фиалки. В тот год в течение нескольких теплых, солнечных дней рощи, луга и сады быстро покрылись зеленью.

Весной Левин начал делать ячейки из хвороста, укрепляя их на склоне обрыва и внизу на дюнах, а потом густо сеял в них песколюбивую траву. Засаживал он откос кустами облепихи, шиповника и снежнягодника. На дюнах он сеял чину и песчаный овес. Целыми днями он работал в саду или укреплял склон обрыва и не замечал, как проходит время. И только по вечерам к нему возвращалось тоскливое чувство одиночества. Тогда он снова мечтал, как вернется к нему сын: вдвоем-то проще с обрывом воевать. И от этих мыслей ему становилось легче.

Летом ранним утром Левин любил прогуляться по берегу моря. Спустившись на пляж по пологому оврагу, где слева и справа сплошь возвышались песчаные кручи с кривыми, будто пьяными от морского ветра, соснами наверху и кустарниками на склонах, он шел среди дымящихся на ветру дюн, и песок пел под подошвами его ботинок. Левин прогуливался вдоль берега, дышал морским воздухом и собирал янтарь, который выбрасывали волны. Он глядел внимательно-

но, наклонялся и выбирал кусочки янтаря из бурой путаницы водорослей, среди мертвых рачков и копошащихся случайных насекомых, занесенных на пляж ветром.

Блестящими нитями тянулись вдоль морской кромки янтарные крошки, — так их укладывали волны. Там, где волны еще не успели разложить свои драгоценные ожерелья, Левин садился на теплый песок и подолгу рассматривал находки. И вот однажды он сделал для себя удивительное открытие: в одном прозрачном как слеза куске янтаря он обнаружил древнюю мошку, а рядом с ней паука. Когда-то роковая капля смолы погребла в себе и хищника, и жертву одновременно. Верно говорят: все одинаковы перед волей Природы. Левин с удивлением глядел на пленников, застывших в доисторической смоле. Он, конечно, слышал о подобных редких камешках, но сам нашел впервые. Левин спрятал необычную находку в карман и с тех пор, каждый раз гуляя по пляжу, он искал выброшенный щедрым морем янтарь с насекомыми.

Новое увлечение захватило Левина. Вот настоящее сокровище! Больше сорока миллионов лет этим мошкам, а сохранились в янтаре так, словно вчера в смоле увязли! И Левин рассказывал об удивительных камешках в школе, показывал застрявших в них насекомых своим ученикам.

Собирая янтарь на берегу, Левин внимательно рассматривал каждую находку, есть ли что внутри, и счищал ногтем грязь, чтобы заглянуть в камешек. Иногда в горсти янтаря попадались один — два с насекомыми, но чаще — ни одно-

го. Пустой камень он выбрасывал в море, возвращал, чтобы волны взамен приносили ему янтарь с подарком внутри.

Однажды, гуляя по пляжу после очередного шторма, Левин подобрал довольно большой кусок янтаря. Чтобы заглянуть внутрь, ему пришлось дома очистить камень с двух сторон наждачной шкуркой. Как следует потрудившись, Левин рассмотрел янтарь на свет и к своей радости обнаружил, что внутри будто что-то таится. Любопытство овладело им. Счистив довольно толстый слой, он отполировал поверхность янтаря клочком шерстяной ткани и снова заглянул внутрь этого камня. И тогда он обнаружил крупного жука с бронзовыми крыльями. «Удачная находка, цены ей нет!» – радовался Левин.

Как-то раз с Левиным приключилась история. После выходных дней, проведенных за работой в саду, он отправился в школу. С утра была хорошая теплая погода, и Левин пошел берегом моря, как вдруг на полпути он наткнулся на металлическую ограду.

– Что за новость такая? Забор поперек пляжа установили! – воскликнул он с удивлением.

Левин открыл калитку. Железная дверца, еще не окрашенная, проскрипела ему протяжно и возмутительно. Он повертел ее из стороны в сторону, слушая скрип и дивясь, откуда такое нагромождение посреди пляжа взялось. Затем он прошел в калитку и едва направился дальше, как его грубо окликнули:

– Эй, дед! Здесь частный пляж. Стой, платить надо! – слышалось из-за ближайшей дюны с пучком травы на вершине.

Левин остановился. К нему подошел охранник в камуфляже и кобурой на поясе: пустой или с пистолетом – не видно.

– Дед, ты что, не слышишь? Плати или уходи отсюда.

– Ты кто такой? – спросил Левин.

– Служба охраны частного владения «Балтийские зори», – представился охранник. Не видишь разве? Огорожено, табличка висит, платное посещение пляжа.

– А я живу здесь, в деревне, и хожу по этому пляжу на работу.

– Ну и что с того? Плати и дальше ходи.

– И не подумаю! – сказал Левин.

Тут перебранка оборвалась: к ним подошел лысый господин в темных очках и в хорошем дорогом костюме.

– В чем дело? – спросил он охранника.

– Этот старик платить не желает, – ответил тот. – Откуда я знаю, местный он или курортник.

Лысый господин оглядел нарушителя с ног до головы и обернулся к охраннику:

– Пропусти его, пусть идет, – приказал он. А Левину вежливо объяснил: – Этот район, дедушка, – частная собственность, понимаете? Зона отдыха. Решайте сами: платить за проход по пляжу или обходить стороной поверху, там есть тропинка через парк.

– Как же так?! Я здесь столько лет живу, ничего подобного не видел! – негодовал Левин.

Лысый господин улыбнулся и сказал:

– Привыкайте, дедушка. Все кругом меняется.

Заводить спор об особенностях перемен не было времени. Левин не хотел опаздывать и срывать урок в классе из-за этого недоразумения. Сегодня у ребят сложная тема: третий закон Ньютона. Будет много работы.

– Ну, я еще вернусь, – пообещал Левин и гордо зашагал вперед по пляжу.

Лысый господин проводил его взглядом, качая головой: «Ну и упрямый этот народ – старики».

«Вот еще, напасть какая! – возмущался Левин по пути в школу. – Два дня на выходных пробыл, и уже забором перегородили. Бесы! Ишь, чего удумали! Платный проход. Как только ума хватило уродство такое сотворить посреди красивого пейзажа! Пляж тут каждый год разный, меняется. То море подьест его под самый откос, то отпустит. А эти не знают, как пляж разрушается волнами. Понастроили, изверги! Надеются, им это даром пройдет. Нет уж, и на них управа найдется, как в законе Ньютона: «сила действия равна силе противодействия».

В школе Левин выведал у коллег, что солидный московский предприниматель строит здесь частную зону отдыха. Пляж перегородил, летом будет курортников пускать.

После первого урока Левин живо написал эмоциональное

письмо в районную администрацию и стал собирать подписи среди учителей и учеников в протест произволу на пляже. А потом школьники по домам ходили и тоже подписи собирали у односельчан. Петиция вышла большая. Равнодушных не было никого.

На следующий день Левина с этим письмом командировали в районную администрацию. Там ему пообещали разобраться и попросили не ждать сейчас, не стоять в дверях, а освободить кабинет. Какие разборки последовали после этого, учителю было неизвестно. Но живо опомнились и местные власти, и берегозащита. Дело понятное – без внимания единодушный протест сельских жителей оставлять нельзя.

Спустя несколько дней селяне узнали, что для них проход по пляжу оставили бесплатным и забор убрали. Левин был очень доволен решением администрации. Отстояли свой берег всем миром.

По торжественному случаю школьные учителя затеяли большой пикник на спасенном пляже. Вся деревня собралась. Принесли каждый свое угощение: фрукты и овощи с огорода, чай в термосах, домашнее вино для взрослых, а в школьной столовой повара напекли пирожков с капустой, картошкой и повидлом. До самого вечера на пляже гуляли, для детей устроили спортивные состязания по перетягиванию каната, играли в мяч, танцевали. А вечером разожгли костер и пели песни под гитару. Никогда прежде в деревне не было такого праздника. Весело чествовали победу на гла-

зах недоумевающей охраны частного владения и лысого господина, который не стал ссориться с местными жителями. «Перебесятся – успокоятся», – надеялся он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.